

Посвящается Артемис

Оглавление

Глава 1. Охота началась!	9
Глава 2. «Безумный вторник»	20
Глава 3. 1-я союзная воздушно-десантная армия	38
Глава 4. Отставить сомнения!	59
Глава 5. «День топора»	69
Глава 6. Последние штрихи	84
Глава 7. Канун битвы <i>Суббота, 16 сентября</i>	95
Глава 8. Воздушное вторжение <i>Воскресное утро, 17 сентября</i>	107
Глава 9. Что скажут немцы? <i>Воскресенье, 17 сентября</i>	130
Глава 10. Британский десант <i>Воскресенье, 17 сентября</i>	140
Глава 11. Американский десант <i>Воскресенье, 17 сентября</i>	155
Глава 12. Арнем: ночь и день <i>17–18 сентября</i>	178
Глава 13. Арнем: второй вылет <i>Понедельник, 18 сентября</i>	199
Глава 14. Американские дивизии и 30-й корпус <i>Понедельник, 18 сентября</i>	214
Глава 15. Арнем <i>Вторник, 19 сентября</i>	237

Глава 16. Неймеген и Эйндховен	
<i>Вторник, 19 сентября</i>	266
Глава 17. Неймеген и переправа через Ваал	
<i>Среда, 20 сентября</i>	285
Глава 18. Арнемский мост и Остербек	
<i>Среда, 20 сентября</i>	312
Глава 19. Неймеген и «Адское шоссе»	
<i>Четверг, 21 сентября</i>	337
Глава 20. Остербек	
<i>Четверг, 21 сентября</i>	356
Глава 21. Черная пятница	
<i>22 сентября</i>	378
Глава 22. Суббота, 23 сентября	402
Глава 23. Воскресенье, 24 сентября	417
Глава 24. Операция «Берлин»	
<i>Понедельник, 25 сентября</i>	438
Глава 25. Остербек, Арнем, Неймеген	
<i>Вторник, 26 сентября</i>	456
Глава 26. Эвакуация и мародерство в Арнеме	
<i>23 сентября — ноябрь 1944 года</i>	470
Глава 27. «Остров» мужчин	
<i>Сентябрь — ноябрь 1944 года</i>	482
Глава 28. Голодная зима	
<i>Ноябрь 1944 года — май 1945 года</i>	497
<i>Благодарности</i>	521
<i>Примечания</i>	525
<i>Избранная библиография</i>	573
<i>Приложения</i>	
<i>Ключ к обозначениям на картах</i>	580
<i>Таблица военных званий</i>	582
<i>Глоссарий</i>	585
<i>Фотоматериалы</i>	589
<i>Список карт</i>	590

Глава 1

Охота началась!

В воскресенье 27 августа 1944 года в Нормандии царило лето. С поля в Сен-Симфорьен-де-Брюйер, что к юго-западу от Эврё, доносились, навевая дрему, звуки игры в крикет. Рядом, в грушевом саду, стояли «Шерманы» Шервудских рейнджеров¹, переоснащенные и отремонтированные после битвы за «Фалезский котел»², ставшей апогеем боев за Нормандию. Биты, мячи, наколенники и столбики тайком вывезли на берег на грузовике. «И пусть только скажут, будто мы не вторглись на континент во всеоружии» [1], — шутил один из игроков.

Предполагалось, что полк выдвинется через сутки, но сразу после обеда пришел приказ быть на марше через час. Семьдесят минут — и танки уже на пути к Сене. Накануне Сенеу пересекла в Верноне первая британская группировка, 43-я (Уэссекская) пехотная дивизия. Англичане умирали от зависти: 3-я американская армия генерала Джорджа Паттона переправилась через Сенеу на шесть дней раньше.

¹ Шервудские рейнджеры (Sherwood Rangers Yeomanry, SRY) — один из шести эскадронов Королевского легкого кавалерийского полка армейского резерва (Королевские йомены, Royal Yeomanry, RY). — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

² «Фалезский котел» — принятое в российской историографии название Фалезской операции.

29 августа армии союзников, почти миллион солдат, двинулись с береговых плацдармов восточнее Сены в направлении Бельгии и немецкой границы. Битва за Нормандию была наконец выиграна. Немецкая армия беспорядочно отступала. «Вдоль главных маршрутов снабжения, — писал американский офицер в своем дневнике, — следы наших авиаударов по врагу. На обочинах дорог — груды грузовиков, разбитые бомбами, в дырах от пуль, ржавые, покоренные. Порой попадался черный, обугленный грузовик с канистрами, выпирающими словно раздутая коровья туша, или колонна с целыми россыпями таких канистр и искореженным стальным остовом, торчавшим из-под разрушенных машин» [2].

Британские кавалерийские полки вышли на охоту. Генерал-лейтенант Брайан Хоррокс, командир 30-го корпуса, не смог усидеть в башне командирского танка и ехал вместе с бойцами. «Такой войной я наслаждался, — писал он позже. — А как иначе?» [3] Шесть сотен танков, а то и больше, — Шерманы», «Черчилли», «Кромвели», вся Гвардейская бронетанковая дивизия, 11-я бронетанковая дивизия и 8-я бронетанковая бригада — атаквали по фронту, растянувшемуся на восемьдесят километров, «выкашивая бреши в тылу врага, — добавлял он, — как комбайн кукурузу».

Местность меж Сенной и Соммой лежала «открытая и ровная, точно каток, с широкими полями, без оград и с хорошими дорогами» [4]. Опасные перелески Нормандии, с их *bocage*¹, огороженными пастбищами и хлябью на дорогах, остались далеко позади. Шервудские рейнджеры шли строем, привычным еще со времен африканских пустынь: впереди рота «Шерманов», за ней — штаб полка, а на флан-

¹ «Бокажи» — живые изгороди, посаженные местными крестьянами, за сотни лет превратившиеся в серьезные препятствия даже для танков. Для их преодоления союзники использовали танки «Шерман», к днищу которых прикреплялись острые металлические пластины, срезавшие «бокажи».

гах — два сабельных эскадрона. «Мчат на всех парах по твердой, ровной земле тем дивным утром, — писал командир кавалерийского отряда, — и знать, что немцы драпают... это, мягко говоря, бодрило, и всем было радостно и хорошо. Словно на стипль-чезе скакали» [5].

Их встречали звоном церковных колоколов. Почти каждый дом был украшен в цвета французских флагов — красный, белый, синий. Ликующие жители деревень, счастливо избежавшие царившей в Нормандии разрухи, встречали солдат с бутылками вина и фруктами. Небритые бойцы Сопротивления, надев нарукавные повязки, пытались влезть на ведущие танки, чтобы показать дорогу. Офицер штаба Гвардейской бронетанковой дивизии в броневике «Стагханд» подметил «разного рода странное оружие, которым те рьяно махали, забыв о безопасности» [6].

Иногда в танках кончалось горючее. В таких случаях нужно было остановиться у обочины и ждать, пока не подъедет «трехтонка» какого-нибудь полка. Канистры перекидывали танкистам, вставшим на моторный отсек. Иногда случались внезапные короткие перестрелки, когда группа немцев, настигнутая наступлением, отказывалась сдаться. Ликвидацию таких очагов сопротивления называли «дезинсекцией» [7].

30 августа Хоррокс почувствовал, что наступление затягивается, и приказал генерал-майору Джорджу Робертсу выдвинуть ночью 11-ю бронетанковую дивизию и к рассвету взять Амьен и мосты через Сомму. И хотя танкисты засыпали от усталости, до мостов добрались, а с первыми лучами солнца на «трехтонках» прибыла бригада пехоты — для обеспечения безопасности города. Хоррокс, ехавший позади, поздравил Робертса с успехом; затем тот, отчитавшись об операции, сказал: «У меня для вас сюрприз, генерал» [8]. Привели немецкого офицера в черной униформе танкиста, небритого, с лицом, обезображенным ранением времен Первой мировой, оставившим его почти без носа. Робертс, отметил Хоррокс, «был

точь-в-точь словно гордый фермер, выводящий быка-чемпиона» [9]. Его трофеем стал застигнутый в постели генерал танковых войск Генрих Эбербах, командующий 7-й армией вермахта.

На следующий день, 1 сентября, исполнилось пять лет со дня вторжения Германии в Польшу и начала войны в Европе. По странному стечению обстоятельств оба командующих группами союзных армий в Нормандской операции были в это время в своих штаб-квартирах и позировали портретистам. Генерал Омар Брэдли, купавшийся в лучах победы после триумфального наступления генерала Паттона на Сену, пребывал неподалеку от Шартра, его портрет писала Кэтлин Манн, супруга маркиза Куинсберри. В тот прекрасный день они могли наконец насладиться охлажденными напитками: совсем недавно Верховный главнокомандующий генерал Дуайт Эйзенхауэр прислал Брэдли холодильник с посланием: «Дьявол, я замаялся глотать ваш теплый виски, как ни приду к вам в штаб!» [10]

Фельдмаршал сэра Бернард Монтгомери [11] в фирменном обмундировании — серый свитер с высоким воротником, вельветовые брюки и черный берет с двойным значком — позировал шотландскому портретисту Джеймсу Ганну. Его тактический штаб и прицеп расположились в парке Шато-де-Данги, на полпути между Руаном и Парижем. Несмотря на утренние поздравления — его повысили в звании до фельдмаршала, — Монтгомери был настолько не в духе, что отказался встретиться с владельцем замка герцогом де Данги и бойцами местного Сопrotивления. Все надежды Монтгомери на совместное наступление на Северную Германию под его руководством рухнули: на посту главнокомандующего сухопутными войсками его заменял Эйзенхауэр. Брэдли ему больше не подчинялся, они сравнялись. По мнению Монтгомери, Эйзенхауэр, отказавшись сосредоточить силы, просто вышвырнул победу на свалку.

А вот высокопоставленных американских офицеров повышение Монтгомери привело поистине в ярость. Он стал пятизвездным генералом, в то время как у Эйзенхауэра, его начальника, было все еще лишь четыре звезды. Паттон, чья 3-я армия на востоке Франции уже подходила к Вердену, в тот день писал жене: «От всей этой затеи с фельдмаршалом нас, то есть меня и Брэдли, просто тошнит» [12]. Даже многие высшие британские офицеры считали, что подачка, брошенная Черчиллем Монти и британской прессе, чтобы замаскировать фактическое понижение в должности, была серьезной ошибкой. Адмирал сэр Бертрам Рамсей, командующий военно-морскими силами союзников, писал в дневнике: «Монти сделали фельдмаршалом. Это поразительно. Не выразить, сколь я об этом сожалею. Понимаю: личная инициатива премьер-министра. Чертовски глупо и, бьюсь об заклад, невероятно оскорбительно для Эйзенхауэра и американцев» [13].

На следующий день, в субботу 2 сентября, Паттон, Эйзенхауэр и генерал-лейтенант Кортни Ходжес, командующий 1-й американской армией, встретились в штабе 12-й группы армий Брэдли; леди Куинсберри пришлось отложить кисти. По словам помощника Брэдли, Ходжес был «как всегда, безупречно одет и аккуратен», а Паттон — «в безвкусном наряде с медными пуговицами, да еще и приехал на рыдване» [14]. Обсудить собирались стратегию и серьезную проблему со снабжением. Войска продвигались вперед столь неожиданно быстро, и это превосходило возможности даже огромного американского военно-транспортного флота. Утром Паттон попросил Брэдли: «Дайте мне 400 тысяч галлонов бензина, и я доставлю вас в Германию в два дня» [15].

Все сочувствовали Брэдли. Он так хотел оставить все самолеты на снабжении 3-й армии Паттона, что выступил против планов высадить десант впереди войск и тем ускорить наступление. Паттон, жаждавший пройти линию Зигфрида в мгновение ока — по его меткому выражению, «как

говно через гуся» [16], — уже подкупал пилотов-«транспортников» ящиками ворованного шампанского. Но этого оказалось недостаточно. Эйзенхауэр отказался выступать, да и к тому же его изводил Монтгомери, требовавший львиную долю ресурсов для своей главной атаки на севере.

Дипломатия союзников вынуждала Верховного главнокомандующего уравновесить противоречащие требования двух групп армий — насколько это в человеческих силах. Так Эйзенхауэр и принял стратегию широкого фронта — как говорится, ни нашим, ни вашим. (Стратегия широкого фронта стала для ОКВ, немецкого Верховного командования, «лучом света в темном царстве». «Для немцев оставалось загадкой, — писал один штабной офицер, — почему враг не сумел собрать все свои войска в одной точке и пойти на прорыв... Вместо этого он сделал немецкому командованию немалое одолжение и рассредоточил войска по всему фронту, словно веером» [17].) После войны начальник штаба Эйзенхауэра генерал-лейтенант Уолтер Беделл Смит высказался относительно соперничества Монтгомери и Брэдли. «Удивительно, — сказал он, — куда только деваются годные командиры, когда создают себе публику, на которую надо играть. Был командир, стала примадонна» [18]. Даже Брэдли, на первый взгляд скромный, и тот «создал себе публику, а нам проблемы».

Неспособность Эйзенхауэра достичь компромисса между стратегиями Монтгомери и Брэдли усугубил несчастный случай. После того как он покинул штаб 12-й группы армий под Шартром, его в тот же день доставили самолетом на Атлантическое побережье Нормандии, на командный пункт в Гранвиле. Выбрать место, столь далекое от стремительно меняющейся линии фронта, — серьезная ошибка. На деле, останься командующий в Лондоне, связь, как указал Брэдли, была бы лучше. На полете к Гранвилю у легкого самолета забарахлил двигатель, и пришлось приземляться на пляже. Эйзенхауэр, уже повредивший колено, травмировал и другое, пока помогал развернуть самолет на песке.

Аккурат перед встречей Брэдли и Монтгомери он на целую неделю оказался прикованным к постели с загипсованной ногой, и это обстоятельство оказалось решающим.

В тот же вечер, 2 сентября, Хоррокс прибыл в Дуэ, в штаб Гвардейской бронетанковой дивизии. Он был разочарован и зол: пришлось задерживать войска из-за воздушной выброски груза в Турне, но ее отменили в последний момент — из-за плохой погоды и еще потому, что в зоне десантирования уже находился американский 19-й корпус. А потому Хоррокс в весьма цветистых выражениях объявил собравшимся гвардейским офицерам, что их цель на следующий день — Брюссель. До него было километров сто десять. По рядам прошел восторженный вздох. Хоррокс также приказал 11-й бронетанковой дивизии Робертса атаковать огромный Антверпенский порт в ходе операции «Сабо».

Перед Уэльской гвардией, справа, ехали броневики 2-го кавалерийского полка Его Величества, а слева — гренадеры-гвардейцы. «Дух соперничества был непреодолим, ничто не могло остановить нас в тот день» [19], — писал один из офицеров. Все жаростно спорили, кто первым войдет в Брюссель. «*Les jeux sont faits — rien ne va plus!* Ставки сделаны, господа!» — мог бы крикнуть крупье, раскрутив рулетку в 06.00, когда оба контингента двинулись в путь. Группа Ирландских гвардейцев в резерве последовала за ними через несколько часов. «То был наш самый долгий путь: более 131 км за 13 часов» [20], — записано в журнале боевых действий 2-го бронетанкового батальона. Но для некоторых подразделений стремительное продвижение оказалось не столь азартным. Гренадеры потеряли больше двадцати солдат в жестоком сражении с группой эсэсовцев.

Неожиданное появление Гвардейской бронетанковой дивизии в бельгийской столице в тот вечер вызвало даже больше ликования, чем в день освобождения Парижа. «Главной проблемой были толпы» [21], — отмечали в ка-

валерийском полку Его Величества. Их постоянно останавливали ликовавшие бельгийцы — они стояли вдоль дороги целыми ордами, напевая «Типперэри» и показывая «викторию» — знак победы. «Еще одна повсеместная привычка освобожденных — писать приветственные послания на всех автомобилях, пока те медленно проезжают сквозь толпу, — писал тот же офицер. — Стоило остановиться, они тут же окружали машину, осыпали ее фруктами и цветами, предлагали вино». Полк Его Величества и Уэльские гвардейцы «выиграли гонку, опередив соперников “на голову”», хотя «это было рискованно: когда кто-то останавливался спросить дорогу, его вытаскивали из машины и крепко целовали — и женщины, и мужчины».

Немцы все еще удерживали аэродром за пределами столицы и «сделали пять выстрелов бризантными зарядами» [22] по парку перед Королевским дворцом, где генерал-майор Аллан Адер установил палатки командного пункта. Британским войскам очень помогла «Белая армия» из бельгийского Сопротивления: она «оказала неоценимую услугу, устроив облаву на многих немцев, пытавшихся бежать» [23]. Бельгийцы, если и не целовали освободителей, на всех немецких пленных шипели и шикали, а порой и пинали их.

Многих британцев поразили контраст с Нормандией, где жители подвергшихся ужасным разрушениям городов и деревенок часто принимали их с холодком. «Одеты местные лучше, — писал офицер, — да и одежды побольше, все чистенькие, здоровые, а во Франции такое чувство было, будто все в каких-то потертых дешевках» [24]. Но процветающий вид мог вводить в заблуждение. Немецкие оккупанты забирали продовольствие, уголь, другие ресурсы; более чем полмиллиона бельгийцев угнали на принудительные работы на немецких заводах. Впрочем, Бельгия от быстрого наступления союзников только выиграла: страна была спасена от разрухи, неизбежной спутницы битв, от грабежей в последнюю минуту и от обычной для вермахта политики выжжен-

ной земли. Но безрассудные нападения на отступающие группы немецких солдат, устроенные бойцами бельгийского Сопротивления на юго-востоке, привели к тому, что немцы, в частности эсэсовцы, в ответ карали всех жестоко и без разбора.

Немцев потрясла стремительность наступления союзников. Один сержант описал это в своем дневнике как «событие, превосходящее все ожидания и расчеты и затмевающее даже наш летний “блицкриг” в 1940 году» [25]. Обер-лейтенант Фуллриде писал, о чем говорили офицеры в казарме: «Западный фронт пал: враг уже в Бельгии и на границе с Германией. Румыния, Болгария, Словакия и Финляндия просят мира. Все как в 1918-м» [26]. Другие прежде всего обвиняли своего первого союзника. «Итальянцы виноваты пуще всех» [27], — отметил унтер-офицер Оскар Зигль. Иные сравнивали «предательство» Италии с тем, как те предали Австро-Венгрию в Первой мировой. Порой это вызывало всплески недоуменной жалости к себе: «Весь мир против нас, немцев! Почему нас так ненавидят? Ни одна нация не хочет нас знать!» [28]

Генералы союзников тоже проводили параллели с концом Первой мировой. Оптимизм был таким, что штаб 12-й группы армий Брэдли уже заказал 25 тонн карт «для операций в Германии» [29], а помощник Брэдли майор Честер Хансен заметил, что «все волновались, точно второкурсники перед танцем» [30]. В штабе 12-й группы армий «все разговоры сводятся к фразе “если война еще продлится”» [31].

Они совершенно неверно оценили последствия неудачного покушения на Гитлера 20 июля, когда бомбу взорвал полковник вермахта Клаус Шенк фон Штауффенберг. Командиры союзников предположили, что это событие ознаменовало начало распада немецкой армии, но на самом деле его провал и последовавшие репрессии означали совершенно иное: теперь ситуация находилась под контролем

нацистской партии и СС, а Генштаб и все армейские формирования были обречены сражаться до последнего вздоха фюрера.

Утром 3 сентября, когда передовые отряды союзников наступали на Антверпен, Брюссель и Маастрихт, генералы Брэдли и Ходжес вылетели в штаб 2-й британской армии к генерал-лейтенанту Майлзу Демпси — обсудить с Монтгомери «будущие операции в направлении Рура» [32]. Помимо Эйзенхауэра, лежавшего с больной ногой в Гранвиле, на совещании отсутствовал генерал-лейтенант Гарри Крирар, командующий 1-й канадской армией: он настоял на том, что останется в Дьеппе и устроит парад в память о соотечественниках, убитых в погибельном налете в августе 1942 года. А так он мог бы указать на трудности захвата портов Ла-Манша и борьбы с 15-й немецкой армией, отступившей от Па-де-Кале в район к западу от Антверпена, к устью Шельды. Порт Антверпена тоже был жизненно важен для продвижения в Германию через Рейн, однако оба — и Монтгомери, и Брэдли — настаивали на реализации собственных, несовпадающих намерений: англичане стремились на север, а американцы — на восток.

Никаких протоколов в ходе совещания не вели, и потом Брэдли убедился, что Монтгомери намеренно ввел его в заблуждение. Брэдли посоветовал отменить воздушный десант у Льежа на мостах через Маас, намеченный на следующий день, и Монтгомери вроде бы согласился. «Мы оба считаем, — сказал впоследствии фельдмаршал, — что все имеющиеся самолеты необходимо использовать как транспорт и поддерживать темп наступления» [33]. Однако позже, в тот же день, в 16.00, Монтгомери приказал своему начальнику штаба отправить в Англию, в 1-ю воздушно-десантную союзную армию, запрос о разработке другого плана, гораздо более амбициозного. Его новая идея состояла в захвате мостов «между Везелем и Арнемом» [34], по которым 21-я группа армий сможет пройти через Рейн

к северу от Рура. Очевидно, он рассчитывал, что если первым установит плацдарм через Рейн, то Эйзенхауэр волею-неволей отдаст ему основную часть ресурсов и американские формирования.

Очень жаль, что Эйзенхауэр не присутствовал на совещании. Когда Брэдли узнал, что Монтгомери своевольно отказался от согласованного плана, он пришел в ярость. Фельдмаршал отказывался признать то, что поняли почти все высшие британские офицеры: Британия отныне была младшим партнером в альянсе. Американцы давали больше войск, гораздо больше техники и почти всю нефть. Идею, что Британия остается великой державой, отчаянно пытался продвигать Черчилль, в глубине души зная, что это всего лишь его фантазия. И можно даже утверждать, что это погибельное клише, не забытое и сегодня, когда страна явно не проходит в ту весовую категорию, где продолжает биться, родилось именно тогда, в сентябре 1944 года.

Глава 2

«Безумный вторник»

В понедельник 4 сентября, на второй день празднований в Брюсселе, королева Нидерландов передала сообщение из Лондона: «Соотечественники! Знайте, наша свобода грядет! Я назначила принца Бернарда командующим голландскими силами при Верховном главнокомандующем генерале Эйзенхауэре. Принц Берnard возглавит вооруженное сопротивление. До скорого, Вильгельмина» [1].

Отступление немцев через Нидерланды к рейху началось 1 сентября и достигло апогея через четыре дня, в *Dolle Dinsdag*, «безумный вторник» [2]. Ходили слухи, что армии Монтгомери уже на границе. Вечером 4 сентября голландская служба Би-би-си даже ошибочно утверждала, что союзники достигли Бреды и Рурмонда. Наутро в Амстердаме люди вышли на улицы, ожидая увидеть проходящие через город танки.

На отступления почти всегда больно смотреть. Но вид изнуренной, сломленной массы отставших бойцов вермахта, бредущих из Франции и Бельгии, вызывал у голландцев, прежде не раз униженных надменными оккупантами, необычную степень ликования, презрения и смеха. «В жизни так ничему не радовались, как этому зрелищу. Некогда ве-

ликая армия бежала, точно стадо» [3], — писала женщина из Эйндховена. Некоторые импровизированные подразделения, те же моряки из кригсмарине¹, собранные во флотские батальоны — *Schiffs-Stamm-Abteilungen*, — прошли пешком большую часть пути от побережья Атлантики. Другие хватали любой встретившийся им транспорт, будь то старый «ситроен» с подножкой или «газген»² с дымовой трубой.

Зрелище, которое так восхитило и взволновало голландцев, будто бы подтверждало впечатление полного поражения. Зеваки сидели на обочинах и наблюдали, как прежде непобедимый механизированный вермахт, так легко разгромивший их страну летом 1940 года, теперь ворует все мыслимые средства передвижения, особенно велосипеды.

В начале войны в Нидерландах было 4 миллиона велосипедов — вдвое меньше, чем населения. Вермахт реквизировал 50 тысяч в начале июля 1942 года, и теперь еще тысячи направлялись в Германию, большая часть — загруженные солдатским снаряжением и добычей. Без резины, на деревянных колесах, толкать их по дорогам было тяжело. Но их потеря стала серьезным ударом. На велосипедах разъезжали и курьеры-подпольщики — участники голландского Сопротивления, и обычные семьи, когда отправлялись на поиск еды на сельских фермах.

У большинства автомобилей, украденных во Франции и Бельгии, не было шин. Они ехали на ободьях и лязгали так, что всех пробирала дрожь. Почти в каждом сидели немецкие офицеры, и, как отметил очевидец в Эйндховене, «во многих машинах — молодые женщины, как правило, подружки немцев» [4]. Эти француженки, бельгийки и голландки явно хотели сбежать от обвинений в *collaboration*

¹ Военно-морской флот (*нем.* *Kriegsmarine*) — официальное наименование германских военно-морских сил в эпоху Третьего рейха. Здесь — морская пехота, морпехи.

² Газогенераторный автомобиль, в котором в качестве топлива могут использоваться дрова, угольные брикеты, торф.

*horizontale*¹ и предсказуемой участи, ожидавшей их дома. В Арнеме невролог Луис ван Эрп также видел немецких офицеров, что ехали, «усадив на колени женщин — кто немок, кто французенок» [5]. Офицеры размахивали бутылками с бренди. В некоторых городах тот вторник прозвали «коньячным» [6]. Немцы пытались продать бутылки и другое ворованное добро: швейные машины, фотоаппараты, часы, текстиль и клетки с птицами, вряд ли способными пережить тяготы пути, — но покупали лишь немногие голландцы.

Иные автомобили принадлежали голландским сторонникам нацистов из NSB — Национал-социалистического движения. Они знали, что в Южном Брабанте без защиты немцев не выживут: слишком опасно. Спасались от мести и французские коллаборационисты, и пронацистские католики-рексисты² из Бельгии. Голландцы-патриоты называли членов NSB «неправильными» голландцами или «черными *камрадами*» и считали их хуже немцев [7]. «Отношение голландского населения к NSB — полное противостояние, — сообщал немецкий офицер в Утрехте. — Все говорят, лучше десять немцев, чем один местный нацист, и, учитывая ненависть ко всему немецкому, это не пустые слова» [8].

Были еще странные omnibusы и кареты Красного Креста, заполненные солдатами и их оружием вопреки всем правилам войны. Были и немецкие солдаты на конных повозках, загруженных деревянными клетками с курами, утками и гусями; и грузовики с украденными овцами и свиньями. Кто-то видел двух быков, топтавших в автобусе. Одна монахиня заметила в машине скорой помощи корову. Подобное зрелище бесстыдного хищения еды из оккупированных стран вызывало у наблюдавших этот исход лишь горькие улыбки. В качестве транспорта немцы использовали стран-

¹ «Горизонтальное сотрудничество» — сексуальные или романтические отношения женщин с немцами в период оккупации.

² Рексизм — идеология «движения Рекс», фашистского движения в Бельгии, основу которого составляли члены правых католических организаций.

ную пожарную машину и даже катафалк, покрытый пыльными страусовыми перьями. Немцы привязывали к машинам спереди сосновые ветки — сметать клепки и гвозди, разбросанные по дорогам подпольщиками.

Истощенные пехотинцы — «мофы», как презрительно называли оккупантов голландцы, — были растрепанными, бородатыми и грязными до черноты¹. Их внешний вид так контрастировал с офицерами в машинах, что все только диву давались, когда мрачная кавалькада пересекала границу рейха. Ходили дикие слухи и черные шутки. От одной семьи ефрейтор услышал: «Вчера вечером болтали, мол, в Кайзерслаутерне сам фюрер машины осматривал». Привилегии офицеров и то, как страдал обычный ландсер, приводили в негодование и мирных голландцев: «“Господа” ехали, забив машины добром под завязку, а *пехтура* следом плелась» [9].

В Германии совершенно по-разному отнеслись к солдатам с Восточного фронта и к тем, кто воевал на Западном — Westfrontkämpfer. Все подозревали, что на Западе, за четыре года легкой оккупации во Франции и в Нидерландах, немецкая армия просто размякла. «Люди здесь, на Западном фронте, добрых чувств к солдатам не питают, — писала одна женщина мужу. — Да и мне кажется, будь здесь солдаты с Востока, никакого прорыва не случилось бы» [10].

Один пулеметчик, подтверждая впечатление от краха на Западном фронте, писал домой: «Не передать, на что это похоже. Это не отступление, а бегство» [11]. И все же он признал: отход организован был хорошо. «В машины закидывали шнапс, сигареты и сотни жестянок с жиром и мясом». Немецкие оккупационные власти воровали что

¹ Голландское «мофы» (moffen) как обозначение немцев — эквивалент английского «краут» (kraut) или французского «бош» (boche). Возходит к XVII в., когда земли Северной Германии на восток от Нидерландов назывались «Muffe». Гораздо более богатые и утонченные голландцы смотрели на жителей этих районов свысока и считали их мужланами. Термин возродился в дни немецкой оккупации. — *Прим. автора.*

могли. Церковные колокола они и так уже забрали на расплавку, а теперь поспешно отправляли в рейх сырье, особенно уголь и железную руду, и все норовили сами заскочить в вагон. Такие действия они оправдывали тем, что не должны оставлять «экономическое преимущество» союзникам [12]. Применяли и тактику выжженной земли. В Эйндохене [13] немцы разрушили аэродром и склад боеприпасов, и над городом прокатились жуткие взрывы, а солнце закрыла огромная дымная пелена.

Доставлять все эти ресурсы в рейх было непросто. В первой половине сентября подпольщики устроили ряд диверсий. Но один немецкий офицер заметил, что «движение поездов почти парализовано не от нехватки топлива, а из-за атак английских летчиков-истребителей, расстрелявших большинство локомотивов» [14]. К ужасу и даже гневу голландского правительства в изгнании, летчики Королевских ВВС не смогли устоять перед искушением подорвать локомотивы: ну как же, ведь взрыв пара так эффектно выглядит!

Мирное население довольствовалось лишь зрелищем паниковавших «партийцев» из NSB и их семей, отчаянно стремившихся сбежать в Германию. В одном городке к юго-западу от Арнема их тяготы вызывали лишь злорадство — Schadenfreude. «Ох, чудный был вид, — вспоминал позднее местный житель Пол ван Вели. — Вокзал был как лавка старьевщика, полная бродяг. Слезы. Головы никто не поднимает» [15]. Около 30 тысяч членов NSB и их семьи отправились в Германию, но в разлуке последних месяцев войны там было не до них. Как сказал один историк, «де-факто организованный фашизм в Нидерландах рухнул 5 сентября» [16].

Во время своеобразного междуцарствия, пока голландская полиция, игравшая весьма двусмысленную роль в дни оккупации, не казала носу, подпольные группы похитили членов NSB и даже нескольких немецких чиновников. Некоторых вскоре освободила немецкая полиция. В тот «безумный вторник» рейхскомиссар Артур Зейсс-Инкварт объявил чрезвычайное положение. «Сопrotивление оккупационным